
УДК 821.161.1
ББК 83.3(4РОС)6
DOI 10.22455/2619-0311-2019-2-159-178

Виктор Димитриев

**О социализме и религии: Ф.М. Достоевский
в восприятии В.С. Варшавского***

Victor Dimitriev

**On Socialism and Religion: F. Dostoevsky
in the Reception of V.S. Varshavsky**

Об авторе: Виктор Михайлович Димитриев – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, старший преподаватель НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург.

E-mail: ganthenbein@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена особенностям рецепции личности и творчества Достоевского в русском зарубежье. В основе работы анализ публицистической прозы Владимира Варшавского, одного из представителей «младшего» поколения писателей-эмигрантов. В межвоенные десятилетия Достоевский интересовал Варшавского прежде всего как художник, предвосхитивший в своих персонажах некоторые психологические особенности «эмигрантских молодых людей». Варшавский сознательно развивает конкретные черты поэтики Достоевского в своем творчестве 1920-1930-х годов. После Второй мировой войны Достоевский предстает действующим лицом историософских размышлений Варшавского в «Незамеченном поколении». В статье привлечены неизвестные ранее материалы из архива Варшавского в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына (ДРЗ Ф. 291).

Ключевые слова: Достоевский, Владимир Варшавский, рецепция, «Незамеченное поколение», социализм, христианство, архив.

Для цитирования: *Димитриев В.М.* О социализме и религии: Ф.М. Достоевский в восприятии В.С. Варшавского // Достоевский и мировая культура. 2019. № 2(6). С. 159–178.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-2-159-178

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90002 «Проблемы текстологии и поэтики романного творчества Ф.М. Достоевского: текст как источник и объект интерпретации».

About the author: Viktor M. Dimitriev, Candidate in Philological Sciences, Research Assistant at the Institute of Russian Literature (Pushkin House), Senior Lecturer at the National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg).

E-mail: ganthenbein@gmail.com.

Abstract: The article is dedicated to the peculiarities of the reception of Dostoevsky in Russian émigré literature. The work analyses the prose of Vladimir Varshavsky, one of the “younger” émigré writers. In the interwar period, Varshavsky was primarily interested in Dostoevsky as a writer who anticipated some psychological features of the “young émigré man”. Varshavsky develops some specific components of Dostoevsky's poetics. After World War II, Dostoevsky became part of Varshavsky's historical constructions in *Unnoticed Generation*. The article proposes some new materials from Varshavsky's archive, which is situated in the House of Russian Abroad named after A. Solzhenitsyn (DRZ F. 291).

Key words: Dostoevsky, Vladimir Varshavsky, reception, *Unnoticed Generation*, socialism, Christianity, archive.

For citation: Dimitriev V.M. On Socialism and Religion: F. Dostoevsky in the Reception of V.S. Varshavsky. *Dostoevsky and World Culture*, 2019, No 2(6), pp. 159–178. DOI 10.22455/2619-0311-2019-2-159-178

Проблема восприятия Достоевского за рубежом ставилась в основном в отношении русской религиозной философии и писателей «старшего» поколения (А.М. Ремизов, И.С. Шмелев, И.А. Бунин, М.А. Алданов и др.)¹, а также литературной критики [Классика и современность...]. В гораздо меньшей степени исследуется восприятие Достоевского «младшими» писателями-эмигрантами. Вопросы влияния, творческой полемики рассматривались преимущественно в связи с В. Набоковым и Г. Газдановым, однако редкие работы посвящаются «присутствию» Достоевского в творчестве Б. Поплавского, В. Варшавского, Н. Берберовой, В. Яновского и др.² Обстоятельную статью о восприятии Достоевского «младшими» писателями-эмигрантами написала Л.В. Сыроватко. Рассказ В. Варшавского 1930 года «Из записок бесстыдного молодого человека» сопоставлен с «Записками из подполья» [Сыроватко, 2007, с. 140-145].

¹ См. [Белов, 2006], [Достоевский и XX век], [Достоевский и русское зарубежье...].

² См. [Галкина], [Васильева, 2016], [Пантелей, 2008].

Владимир Сергеевич Варшавский (Москва, 1906 – Женева, 1978) – один из главных представителей «младшего»³ поколения русской эмиграции первой волны, прозаик и мыслитель русского зарубежья. В 1930-е годы он был близок к русскому парижскому Монпарнасу, принимал активное участие в деятельности журнала «Числа», сотрудничал и с «Новым Градом». Во второй половине 1930-х Варшавский – постоянный участник организованного И.И. Фондаминским-Бунаковым «Круга», в рамках которого предполагалось объединить силы «старшего» и «младшего» поколений русской эмиграции в новом «ордене русской интеллигенции». В 1939 году Варшавский вступает в ряды французских войск и участвует в «Странной войне», потом долгие годы до самого конца Второй мировой проводит в немецком плену. После войны в 1951 году писатель эмигрирует в США, устраивается внештатным сотрудником на «Радио Свобода», в конце жизни возвращается в Европу (подробнее о биографии Варшавского см.: [Васильева, 2010], [Красавченко, 2016]).

В историю литературы Варшавский вошел прежде всего как автор знаменитой книги «Незамеченное поколение», напечатанной в 1956 году. В книге предложен целостный анализ духовных исканий молодых эмигрантов в политической, религиозной и эстетической сферах в период между двумя войнами, отдельное место в книге посвящено эмигрантам – жертвам и героям Странной войны и французского Сопротивления. Варшавский вместе с тем оригинальный прозаик, литературный критик и эссеист, автор романа «Ожидание» (1972), обширного незаконченного труда «Родословная большевизма» (1976-1977, напечатано после смерти Варшавского, в 1982 году, по черновикам). Его наследие в последние десятилетия стараниями сотрудников Дома русского зарубежья становится доступно читателю. Постепенно формируется и богатый архив, переданный в Россию вдовой писателя Т.Г. Варшавской. В архив входят личные документы, обширный корпус писем, материалы, связанные с про-

³ Под «младшим» поколением обыкновенно подразумевают писателей, родившихся в конце XIX – начале XX веков и эмигрировавших в Европу в подростковом возрасте. Эти писатели и поэты (Б. Поплавский, В. Варшавский, В. Яновский, Ю. Фельзен, Д. Кнут, А. Штейгер и др.) в некотором смысле сформировали миф о своем особом поколении, находившемся на неустрашимой границе между «своим» и «чужим», между «детством» и «зрелостью», между признанием и гибелью. В данной статье это определение применяется по отношению к Варшавскому и другим авторам прежде всего потому, что это было частью сознаваемого ими поколенческого образа и, в случае Варшавского, занимает важнейшее место в его исследовании «Незамеченное поколение».

изведениями Варшавского, рисунки, многочисленные скрипты для «Радио Свобода».

В архиве Варшавского (ДРЗ. Ф. 291)⁴ хранится отдельная папка, названная «Достоевский». Основное место в папке занимают черновики к статье «О расизме», напечатанной впоследствии в 1973 году в «Новом русском слове»; рецензия на книгу Ван дер Энга «Достоевский-романист» 1957 года и книгу В. Кауфмана 1956 года «Экзистенциализм от Достоевского до Сартра», а также материалы для этих рецензий; скрипт для рубрики «В мире идей и образов» (для «Радио Свобода») под названием «О социализме и религии», посвященный Достоевскому, а также черновики этого скрипта; многочисленные выписки из Достоевского, прежде всего из «Подростка», «Братьев Карамазовых» и «Дневника писателя», а также из «Мирозерцания Достоевского» Бердяева. В папке, кроме того, две газетные вырезки: заметка А. Камю под названием «The Other Russia», перепечатанная в 1957 году в «New York Herald Tribune» (она используется Варшавским для скрипта «О социализме и религии»), а также статья Е. Юрьевского (настоящее имя Н.В. Вольский), под названием «О мессианизме, мессианистах и Достоевском», напечатанная в 1958 году в «Социалистическом вестнике» (Нью-Йорк).

По всей видимости, в этой папке Варшавского собраны материалы для работы над конкретными статьями, обзорами и рецензиями, тематика которых так или иначе была связана для него с Достоевским. Большинство документов датируются 1957-1958 годами и относятся к работе Варшавского на «Радио Свобода». Общий «нерв» всех заметок этого периода в попытке примирить кажущиеся непримиримыми крайности: социализм и религию, христианство и демократию, мистику и механику, мистику и прогресс. Это основные темы также и «Незамеченного поколения». Эти темы ясно указывают на то, что после Второй мировой войны Варшавский как мыслитель во многом наследует философии Ф.А. Степуна, о. С. Булгакова и Г.П. Федотова, постоянных участников «Нового Града»; неизменными спутниками его мысли становятся Достоевский, Вл. Соловьев, Н.Ф. Федоров, а также те, кто, по мнению Варшавского, были их европейскими продолжателями – А. Бергсон и П. Тейяр де Шарден.

⁴ Хотел бы выразить благодарность М.А. Васильевой, ученому секретарю Дома русского зарубежья им. А. Солженицына за возможность работать с материалами из не разобранного пока архива Владимира Варшавского (ДРЗ Ф. 291)

Важно вместе с тем заметить, что личность и творчество автора «Братьев Карамазовых» занимали центральное место во всем художественном и публицистическом наследии Варшавского, а не только в его послевоенных сочинениях.

Именно творчество Достоевского в межвоенные десятилетия стало для Варшавского, так же как и для других представителей «младшего» поколения эмиграции, основанием не только для осмысления исторической реальности, но также для поколенческого самоописания. По мнению Варшавского, герой «нашего Монпарнаса» напоминает «отчасти мечтателя из “Белых ночей”», что отразилось более всего в прозе Поплавского и Шаршуна. Описание такого «мечтателя» у Варшавского отсылает и к чертам подпольного антигероя: «Человек, измученный сознанием своей отверженности, с ужасом чувствуя, что ему нету места в окружающем его чуждом и враждебном мире, – замыкается в своем недуге, в своих неизяснимо-сладостных безумных мечтаниях о жизни и любви» [Варшавский, 2016, с. 364]. Связь мечтательства и подполья характерна для типологии образов Достоевского⁵.

«Подполье» являлось, вероятно, самым характерным фактом «присутствия» Достоевского в сознании «младшего» поколения. Среди многообразия смыслов, которыми наделялось это емкое и выразительное понятие, важно подчеркнуть следующие: «подполье» связывалось с темой духовной «безотцовщины», с определением состава сознания «эмигрантского молодого человека», для которого «внутреннее» было важнее «внешнего», и с поиском нового стиля. В статье «О новых русских людях» Г. Иванов пытается определить характер выросшего в эмиграции человека, однако всё, что он может, это подчеркнуть его парадоксальность и двойственность, его неукорененность в бытии (мотив «подкидыша»), его «подпольность»:

...это люди новой духовной среды. Сознание их, конечно, поделилось их бытием, хотя ни у кого в мире нет такого неодолимого стремления, как у них – наперекор марксистской заповеди – опре-

⁵ «Между “мечтательством” и “подпольем” была очень тонкая перегородка. Стоило перейти это почти незаметное “чуть-чуть”, как герой-“мечтатель” становился “подпольным парадоксалистом» [Одинокое, 1987, с. 16-17]. Б.Н. Тихомиров в статье «“Записки из подполья” как художественное целое. Опыт прочтения» настаивает на главенстве различий между «мечтателем» и «подпольным» [Тихомиров, 2010].

делять бытие сознанием. Многое объясняется в них тем, что в большинстве своем, так или иначе – это «люди из подполья».

<...>

Лицо «нового человека» туманно: оно двоится, троится, четверится. Он неясен еще самому себе – как же от него ждать ясности. Он «подкидыв» – о его родословной можно только гадать. Он христианин, отрицающий Христа, антибольшевик, не доверяющий эмиграции, он не признает рубежа, но по обе стороны его, – он равно чужой действующим и там и здесь законам. Он, – пока что, – только большой вопросительный знак, появившийся перед нами «из ничего» – на пятнадцатом году революции [Иванов, 1933, с. 187-188].

Любопытно, что в своем анализе «новых русских людей», то есть представителей даже не столько нового поколения, а «новой духовной среды», Иванов сознательно накладывает узнаваемые мотивы авторов журнала «Числа» на мотивы пореволюционных течений (то, что впоследствии подвергнет последовательной критике Варшавский). Первая часть статьи Иванова посвящена определению «состава» этого нового сознания, где разнообразные парадоксальные противоречия подытоживает характерный рефрен «Достоевский, Достоевский, Достоевский...» [Там же, с. 186] Вторая часть статьи посвящена полуреальному-полувымышленному описанию выступлений одного из характерных новых молодых представителей зарубежья Петра Степановича (Иванов имеет в виду, не называя фамилии и тем обнажая связь с Петрушей Верховенским, реально существовавшего П.С. Боранцевича, близкого к «Утверждениям»).

Поплавский также связывает Подпольного человека с феноменом прозы «младшего» поколения, однако в совершенно особом ключе.

Эмигрантская литература засиделась в молодых. – Воскликает он. – Иные молодые люди дожили до седых волос, но это не страдающие юноши с иконописными лицами, а, скорее, стадо наэлектризованных одиночеством, лопающихся от темперамента, сходящих с ума от полнокровия жеребцов. Потому что эмиграция есть раньше всего несчастье холостой жизни, крови, не имеющей применения, кипящей без исхода, потому что эмиграция есть разлука с любимой, а жена – публика – аудитория в России, то есть сама Россия – жена, разошедшаяся со своим мужем, разлучница, изме-

нившая с талантливым проходимцем, но все же любимая. Продолжительный, вынужденный аскетизм есть отец сумасшествия, мании величия и мании преследования, но от него происходит и возможность горячей романтической любви к жизни... [Поплавский, 2009, с. 127–128]

В этом ключе (борьба с самим собой за освобождение от себя) Поплавский и предлагает рассматривать прозу С. Шаршуна, Ю. Фельзена и Е. Бакуниной. Спасти от болезнетворной апатии, от «чеховской» (уничижительной в устах Поплавского) скуки молодому эмигрантскому писателю способно помочь «чудо Подпольного человека»:

Но как рассказать, как объяснить каждому человеку, что каждый человек единосущен Абсолюту, как вдохнуть в них чувство их неизвестного им величия, чувство античной вечной красоты каждого движения, каждого человека...

Единственный способ это понять – объяснить, раскрыть свою неповторимость, свою божественную непостижимую отвратительность, нищету, измену. Это и есть чудо Подпольного человека, что в нем посмело раскрыться все величие ничтожества, вся мистическая необычайность обыденности.

Новая, субъективная, дневниковая литература учит человека как можно большему уважению к самому себе, к вечной своей любви, вечной разлуке, вечной верности, вечной измене Богу, совершенно личной. Эта новая литература спасает человека от смертельного для всякой жизни русского самоуниженья. Но нужно, во-первых... уметь себя видеть. Во-вторых, уметь описать то, что увидел. В-третьих, сметь это описать, а последнее самое трудное [Там же, с. 130].

В манифестационном отрывке находит выражение как идея «личной», «внутренней» жизни, так и ориентация на «дневниковую литературу», и все это устанавливается через авторитет «подполья». Характерно, что связанная с эмиграцией метафора «вырванные с корнем», «вырванные из почвы», которая здесь появляется у Поплавского в связи с фельзенской Лелей [Там же, с. 128], у Адамовича связывается с Достоевским: «Уже Достоевский был “déraciné”, был существом, вырванным с корнем из бытия. Это ощущение многим знакомо в наши дни, как настоящая “болезнь века” <повторяющий-

ся топос в разговорах о «молодой» литературе. – В. Д.>» [Адамович, 1934, с. 282-283]. В «Одиночестве и свободе» Адамович вернется к подобному определению писателя, утверждая, что сущность Достоевского не в «плоскости “проблем”», а в рассказе о «человеке, которому “пойти некуда”, обо всем, до чего истерзанное человеческое сердце может дочувствоваться, о стыде, отчаянии, боли, возмущении, раскаянии, об одиночестве» [Адамович, 1996, с. 209].

Именно поэтому Достоевский и стал для многих молодых эмигрантских писателей ориентиром в поиске нового стиля, основным требованием которого являлось последовательное описание внутреннего состояния, а основным законом – постоянное нарушение границ вымысла и правды. В том числе и Варшавский в своей прозе 1930-х годов сознательно стремится опереться на принцип «припоминания и записывания», открытый Достоевским, и ведет череду историй автобиографического героя, «растерянного» и «неприкаянного» молодого человека, тоскующего по «жизни», по «подвигу», по «идее». Для Варшавского, являющегося автором нескольких манифестов русского Монпарнаса, Достоевский предстал первым действительно «вырванным с корнем» автором, с ним, как и с его героями, эмигранты охотно себя ассоциировали.

Важно в связи с этим указать на эссе Варшавского 1930 года «Несколько рассуждений об Андре Жиде и эмигрантском молодом человеке». Ключевой интерес в рассуждениях Варшавского представляет тот факт, что он выстраивает в статье как бы двойную референцию: значимость фигуры Жида-писателя для эмигрантского молодого человека подтверждается способностью французского писателя понимать Достоевского.

С точки зрения Варшавского произведения Жида, несмотря на лежащий на них отпечаток чистой интеллектуальности, ведущей к абстрактной пустоте, в действительности представляют «рассказ о поисках пути из ложности этой пустоты в истинную жизнь» [Варшавский, 2016б, с. 335]. Начиная с «Болот» («Paludes», 1895), французский писатель в своих произведениях мучается sacramентальным вопросом «что такое жизнь? Что такое значит жить? (вопрос, который может поставить только ум» [Там же, с. 336], но, подобно Бергсону (с которым Варшавский Жида сравнивает) знает, что «ум один никогда не может найти ответа, так как знание, которое он дает в метафизике, есть знание внешнее, формальное и пустое, не становящееся неотъемлемой частью реальности» [Там же].

Ключевые произведения Жида представляют собой медленный поиск такого внутреннего события, изнутри которого человек прерывает свое отвлеченное, рассеянное существование и прозревает вдруг, «что находился в какой-то абстрактной мертвой пустоте, и со страхом начинает искать вокруг себя и в себе истинную жизнь» [Там же].

Варшавский полагает, что ответы на вопрос, где искать «истинную жизнь», дают книги Жида «Достоевский» (1923) и «Numquid et tu» (1922), представляющие, по его мнению, центр мысли французского писателя; кроме того, и самого Варшавского эти сочинения волнуют более всего. Те же два произведения называет ранее и Адамович, на Франко-русской студии⁶ утверждавший, что Жид «является самым живым и самым человечным из современных французских писателей» [Adamovitch, 2005, с. 198]. Как и Адамович, Варшавский сочувствует «идеям» Жида как «выразителям» конкретных внутренних состояний (ту же характеристику в лекциях Жид дает Достоевскому). У Адамовича: «Он не развлекается и не хочет никого развлекать, и если он выражает идею, это не только его разум, но все его существо, которое несет за это ответственность» [Там же]. Ценность Жида, по Адамовичу, в том, что он задается «достоевскими» «последними вопросами»: «“Что есть человек? Откуда он? Куда он идет?”» [Там же, с. 200], и благодаря этому Жид перестает быть только «литературой» (извечный мотив Адамовича) и оказывается одним из «вечных спутником» человека.

Варшавского в книге Жида о Достоевском интересует, какие три зоны или области Жид различал в душах героев русского писателя: это зона ума (чуждого душе), зона страстей и «глубокая зона» внутренней жизни, удаляясь в которую можно найти путь к спасению, выход в реальную жизнь. Как считает Варшавский, главная для Жида идея («Если зерно не умрет...», самоотречение) сопрягает в сознании французского писателя творческую судьбу Достоевского, ценность христианского подвижничества и эстетические требования к собственным произведениям. Для самого Жида подобный выход, считает Варшавский, был невозможен, потому-что он «был все-таки человеком умственной гордости и не мог поверить,

⁶ Франко-русская студия (Le Studio Franco-Russe), 1929-1931 – собрания, организованные В.Б. Фохтом и Р. Себастьяном, на которых французские и русские писатели, философы, публицисты обсуждали актуальные вопросы современной культуры. Всего было проведено 14 заседаний, одно из которых было посвящено Достоевскому.

в какое-то знание неумственное, превышающее ум» [Варшавский, 2016б, с. 338]. Варшавский берет за скобки многие характерные черты творчества Жида (такие как ирония, сентиментальность, анализ умственных искушений и т. п., что сблизит французского писателя скорее с Руссо и Толстым); эмигрантского автора интересует прежде всего открытие «глубокой» внутренней зоны, поиск которой и обращение к которой дают надежду «на открытие пути из внешней тьмы и пустоты пространства вовнутрь жизни» [Там же, с. 339]. И если Жид и не достигает «усиленного до страдания вида», характеризующего лучшие русские книги, все-таки именно он оказывается созвучен «молодым» эмигрантам: «В эмиграции больше всего должны любить Жида совсем молодые люди, уехавшие из России еще детьми, помнящие Россию достаточно, чтобы не стать иностранцами, но недостаточно долго в ней жившие, чтобы по примеру старших наполнить воспоминаниями о прошлом ту фантастическую социальную пустоту, в которой приходится жить эмигрантами» [Там же]. Эмиграция подобна отдаленной пустыне, но для «старших» она «как Вавилонские реки» (аллюзия на Пс. 136 «На реках Вавилонских...», задающая идею памяти-долга), а «младшие», для которых «повесть отцов <...> “отдаленней, чем Пушкин”» [Там же]⁷, вынуждены пребывать во времени и пространстве, где «социальная пустота сливается с абстрактной и ужасающей метафизической пустотой» [Там же]. Именно потому, что Жид находит слова для «тягостного оцепенения», из которого его герои желают вырваться, он «младшим» писателям «ближе и понятней, чем кто-либо из современных русских писателей», и «несмотря на всю свою сомнительность, все-таки ближе к Достоевскому» [Там же, с. 340], чем представители «старшего» поколения эмиграции. Варшавский предельно усиливает конкретные черты в творчестве Жида, демонстративно отказываясь учитывать в его текстах перипетии разумного начала, тяготение к сатирическому жанру и юмор. Именно поэтому формируемый им образ Жида получается в гораздо большей степени похож на «эмигрантского молодого человека», чем на самого себя. К примеру, Варшавский совершенно не учитывает элемент автопародии в «Болотах» французского писателя, о чем напоминает

⁷ Варшавский для описания разрыва между поколениями использует цитату из поэмы Б. Пастернака «Девятьсот пятый год»: «Повесть наших отцов, / Точно повесть / Из века Стюартов, / Отдаленней, чем Пушкин, / И видится, / Точно во сне» [Пастернак, 1989, с. 283]. О рецепции «революционной» поэмы Пастернака в русском зарубежье (Вейдле, Адамович, Ходасевич, Святополк-Мирский и др.) см.: [Сергеева-Кляцис, 2011].

А. Морар. Варшавский сближает героя «Болот» и «молодого» эмигранта на основании того, что оба они наблюдатели жизни, не способные прорваться к ней через «какую-то преграду», хотя скучающий герой «Болот» совершенно «не страдает от этого, поскольку его писательский статус позволяет ему утверждать: “Мне все равно, потому что я пишу Болота”». «Болота» – чистое повествование, рассказ о рассказе, автору присуща «бесконечная радость письма», а не «абстрактная мертвая пустота», о которой говорит Варшавский [Morard, 2009, с. 172-174]. Но произведенная Варшавским редукция всего творчества Жида к идеальному экзистенциальному остатку не продиктована, как мне кажется, желанием «встроить» значимого автора в свою концепцию, но обусловлена специфическим углом зрения, в основе которого поиск нового героя и нового способа художественно воплотить изменчивое «я».

Симптоматична связь в эссе-манифесте Варшавского имен Достоевского и Жида, актуализация фигуры молодого героя, подчеркивание важности эмигрантской судьбы, «внутреннего» события и младоэмигрантской «рассеянности».

В межвоенные десятилетия Достоевский для Варшавского прежде всего художник, наделенный особым даром задавать последние вопросы: «Что есть человек? Откуда он? Куда он идет?». Писатель обращается к его мотивам, образам, к типично «достоевским» темам и сценам в своей прозе (подробнее об этом см.: [Димитриев, 2016], [Димитриев, 2017]). Конечно, влияние Достоевского характерно и для позднего периода Варшавского. По замечанию о. А. Шмемана, Варшавский – это «Толстой, “воспринявший” Достоевского (его вертикаль) и Пруста (его “время”, не космическое, как у Толстого, а антикосмическое, ибо – опыт умирания)» [Шмеман, 2007, с. 425].

Однако после Второй мировой войны Достоевский для Варшавского становится также частью его большого историософского замысла.

Прежде всего это справедливо в отношении «Незамеченного поколения». В этой книге писатель предпринял попытку дать очерк истории становления молодого поколения эмиграции. Он рассказывает о самых разных духовных исканиях молодежи, о младороссах и солидаристах, об «утвержденцах», об эмигрантской ветви РСХД, о парижском русском Монпарнасе как уникальном неопределимом сообществе писателей, частью которого он являлся, о молодых

участниках «Нового Града» и «Круга» Фондаминского-Бунакова, наконец, о тех, чьи судьбы были закончены в немецком плену, в концлагерях, о героях Второй мировой, об эмигрантских участниках Сопротивления. Достоевский на страницах книги упоминается часто, нередко в общем списке предшественников тех или иных идеологий. Практически каждое пореволюционное течение русской эмиграции в Достоевском видело своего духовного предшественника. Русских писателей вообще старались приспособить под нужды конкретных идеологических программ, и в этом смысле Достоевскому не слишком повезло, поскольку он слишком неоднозначен, слишком разнообразен, слишком неудобен в качестве идеологического подспорья, в то время как его делали своеобразной картой, которую разыгрывали монархисты, националисты, богословы, в разной степени и с разной степенью сознательности редуцируя его многообразное наследие. Больше всего о значении Достоевского для развития идеологий пореволюционных течений и новгородской философии уже в наше время писала А.Г. Гачева [см., например: Гачева, 2007].

Но у Варшавского Достоевский упоминается не только в роли «свадебного генерала» идеологий.

«Русское прошлое по-настоящему открывалось эмигрантским сыновьям через русскую литературу XIX века», – пишет Варшавский в одном из первых абзацев главы «Встреча с “русской идеей”» [Варшавский, 2010]. Он обращается к своему любимому фрагменту из «Братьев Карамазовых», в котором Иван формулирует кредо «русских мальчиков». Напомню лишь, что задавая вопрос, о чем говорят «русские мальчики», Иван сам отвечает: «О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? А которые в бога не веруют, ну, те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца» [Достоевский, 1972-1990, XIV, с. 213].

«Русские мальчики», – пишет Варшавский далее, – это прежде всего молодые люди, которые собираются для разговоров о “вековечных вопросах” и придают этим разговорам необыкновенное значение. Другая черта, им свойственная: они ищут правду, чтобы отдать за эту правду свою жизнь» [Варшавский, 2010, с. 196]. В-третьих, вытекающая отсюда и свойственная им, как считает Варшавский, черта это «мистическая готовность» «положить душу за други

своя» [Там же, с. 197]. «Русскими мальчиками», по Варшавскому, являются и русские монпарнасцы, глава о которых предшествует приведенному отрывку. «Вспоминали не только “Бесов”, – пишет Варшавский в главе «Исход», – но и “Подростка”, предсказание Версилова», и чуть дальше замечает: «Перечитывая “Братьев Карамазовых”, несомненно знаешь, живи Коля Красоткин на полвека позже, он обязательно пошел бы в Белую армию. Пошел бы и Алеша Карамазов, и все другие русские мальчики Достоевского» [Там же, с. 19, 21]. «А в эмиграции стал бы национал-максималистом, младороссом или солидаристом и верил бы теперь в добро всего национального, как прежде верил в добро социализма. Это не значит, конечно, что все младороссы и все солидаристы были из рода Красоткиных» [Там же, с. 80-81].

Варшавский настойчиво пытается доказать, что социалистические и религиозные движения XIX и XX веков заботились об одном, а именно о чаемом «всемирном общечеловеческом единении», и что в основе их деятельности была готовность жертвы, и все они, в интерпретации Варшавского, были «русские мальчики». По его мысли, возникновение всех пореволюционных течений было вызвано желанием примирить идеал социализма и идеал христианства, но в каждом конкретном случае, за исключением «Нового Града», эта идея терпела крах и оборачивалась разными формами тоталитаризма. Между тем сама идея была одна из любимых у Варшавского, он подхватил ее отчасти у новоградцев, отчасти у Бергсона. Согласно ей, близость вопросов «о Боге и бессмертии» и вопросов «о переделке человечества по новому штату» обосновывается тем, что машинизм (то есть технический прогресс) и демократия вовсе не противопоставлены христианству, более того, они имеют мистическое происхождение и стали возможны только в христианской культуре. Варшавский пишет:

Если Бергсон прав и научное и изобретательское творчество были действительно двинуты вперед мистическим вдохновением, то тогда, конечно, никакого имманентного зла в технологическом прогрессе не может быть, и причина современного кризиса не в самом этом прогрессе, а в том, что его не сопровождали соответствующие социально-нравственные реформы. В безмерно выросшем теле, – говорит Бергсон, – осталась прежняя душа, слишком маленькая, чтобы его наполнить, слишком слабая, чтобы им управлять. Отсюда

все социальные, политические и международные затруднения. Чтобы разрешить кризис, необходимо моральное возрождение. Возросшее тело требует теперь роста души, механика «призывает» мистику [Там же, с. 214].

Свою позицию он укореняет в мысли Достоевского, Соловьева и Федорова. Достоевский же для него важен как художник, ни на секунду не позволяющий забыть, что религия возможна, только если она будет социалистическая, в то время как социализм возможен только если он оказывается религиозным. Эту же мысль Варшавский подчеркивает у Камю в заметке 1957 года. «Идея Достоевского, что для спасения мира религия должна стать социалистической, а социализм религиозным, в начале нашего века была принята и многими видными русскими марксистами. Поиски нового синтеза были прерваны установлением у нас диктатуры компартии. Но идею нельзя убить» [*О социализме и религии*]. ДРЗ. Ф. 56].

В рукописях Варшавского тщательно подобраны цитаты из Достоевского, репрезентирующие эту необходимую связь социализма и христианства. Приведем некоторые из них:

1. Цитаты из романа «Подросток»: слова Версилова о «наших атеистах» и о «любви к ближнему» [Достоевский, 1972-1990, т. XIII, с. 174]; слова Версилова о любви «от ужасной душевной скуки... заходить в разные вот эти клоаки» [Там же, с. 222], обширные выписки из исповеди Версилова, начиная со слов «Я уехал с тем, чтоб остаться в Европе, мой милый, и не возвращаться домой никогда. Я эмигрировал» [Там же, с. 373] и заканчивая фрагментом: «Нет свободнее и счастливее русского европейского скитальца из нашей тысячи. Это я, право, не смеясь говорю, и тут много серьезного. Да я за тоску мою не взял бы никакого другого счастья. В этом смысле я всегда был счастлив, мой милый, всю жизнь мою» [Там же, с. 380].

2. Цитаты из романа «Братья Карамазовы», о разговорах русских мальчиков [Достоевский, 1972-1990, т. XIV, с. 213].

3. Цитаты из статьи «Одна из современных фальшей» (1873), в которой Достоевский стремится переосмыслить критику современной революционно настроенной молодежи [Достоевский, 1972-1990, т. XXI, с. 125-136].

4. Цитаты из Речи о Пушкине, «всевропейское и всемирное» «назначение русского человека» [Достоевский, 1972-1990, т. XXVI, с. 147].

5. Цитаты из некролога, посвященного Жорж Занд, к примеру, такие слова Достоевского: «Жорж Занд была, может быть, одною из самых полных исповедниц Христовых, сама не зная о том. Она основывала свой социализм, свои убеждения, надежды и идеалы на нравственном чувстве человека» [Достоевский, 1972-1990, т. XXIII, с. 37].

В этих, как и других цитатах из Достоевского Варшавский подчеркивает именно те фрагменты, где речь идет о неоднозначности и неуловимости границы между идеями христианства и социализма. В том варианте «русской идеи», которую Варшавский развивал в своей книге, идея узкого национального мессианизма всячески развенчивалась, с «русской идеей» должен был быть соединен идеал западной демократии и технического прогресса:

В сознании необходимости духовного возрождения была правда главного течения эмигрантской мысли. Приведу прекрасные слова проф. В. Зеньковского: «если развитие науки создает уверенность в себе, чувство власти над “слепой” природой, то в сердце живет трепет перед Вечностью, перед брэнностью всего земного, сердцу нужно бессмертие, вечная жизнь. Сердцу нужен Бог, как Любовь и Правда, нужно Царство Божие». Правильно было и чувство, что «русская идея», русская религиозность и великая русская литература являются неиссякаемым источником христианского вдохновения, необходимого для этого возрождения. В чем же была незаметная поначалу ошибка при переводе стрелки, приведшая многих эмигрантов к срыву в фашизм или большевизм. Я говорил уже об этом. В увлечении критикой механистической и материалистической метафизики крайнего просветительства они проглядели, что демократия и машинизм рождены христианством, теми его тенденциями, которые не находили себе места в слишком схоластическом и пессимистическом мирозерцании позднего средневековья. Другими словами, они не поняли, что для возрождения христианского идеала во всей его полноте необходимо вовсе не огульное осуждение того компромисса организованной религии и просветительства, на котором основана западная демократическая цивилизация, а, наоборот, углубление этого компромисса до настоящего воссоединения двух противоположных как будто, но на самом деле дополняющих друг друга тенденций христианства [Варшавский, 2010, с. 309].

Варшавский идеологизирует русского писателя, истолковывая «всепримирение идей» в перспективе виртуального синтеза просветительского рационализма⁸ и типично романтического мистицизма, что, конечно, было весьма экстравагантной позицией для 1950-х годов. Достоевский в этой «системе» Варшавского играет уже «служебную» роль. Тем не менее интерес представляет рассмотренные выше случаи проецирования характерных образов Достоевского на историю своего поколения.

Кроме того, сама структура книги Варшавского «Незамеченное поколение» свидетельствует об особом прочтении Достоевского.

В композиции книги выражается телеология эмигрантской судьбы. Главы следуют друг за другом под следующими названиями: «Исход» – «Младороссы и солидаристы» – «Русское студенческое христианское движение (РСХД)» – «Парижский русский Монпарнас» – «Встреча с “русской идеей”» – «“Новый Град”» – «Погибшие за идею». М.А. Васильева таким образом осмысляет эту структуру:

О том, как Варшавский видел «восхождение личности», во многом говорит строение книги, которое четче просматривается в новой редакции – с главами, получившими названия, и добавленными историческими экскурсами. При этом «лестница восхождения» не статична, крайне подвижна, и именно подвижность «средних ступеней», взаимопроникновение «средних и смешанных, переходных явлений» – предмет исследования автора. Задавшись целью написать как можно более полную историю своего поколения, Варшавский вряд ли брал на себя миссию «расставить все по местам». Как исследователь, отдающий предпочтение эволюционной концепции Бергсона, он в различных самопроявлениях младоэмиграции видел возможность дальнейшего продвижения вверх – бергсоновского «преображения», или «обходного пути», как он отмечал в своих заметках 1950-60-х гг. [Васильева, 2010, с. 418]

Строение книги может быть истолковано так: растерянные после первой войны и революции «русские мальчики» переживают сильнейший соблазн фашизма и коммунизма; другие ищут спасения

⁸ Напомню, что к моменту написания этой книги западноевропейские интеллектуалы склонны были видеть в эпохе Просвещения источник многих из всемирных катастроф XX века, достаточно вспомнить книгу Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно «Диалектика просвещения» (1947).

в искусстве, понятом как стоическое «погибание», и в Церкви, в которую идут как на единственное им доступное «свидание с Россией»; иные из них приходят к идеям христианской демократии и в конце, несмотря на всю свою запутанность и непроясненность сознания, сознательно идут на героическую смерть в концлагерях и на войне, «спасаясь» в большой истории. Телеология личности, проникающая книгу Варшавского, связана с идеей о подвиге добровольного самоотречения как спасительного и переломного поступка и несомненно наследует идеям Достоевского⁹.

Список литературы

- Адамович, 1934 – *Адамович Г.В.* Люди и книги: Мережковский // Современные записки. 1934. № 56. С. 282-283.
- Адамович, 1996 – *Адамович Г.В.* Одиночество и свобода // Адамович Г. Одиночество и свобода. М.: Республика, 1996. С. 14-112.
- Белов, 2006 – *Белов С.В. Ф.М. Достоевский* // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940): в 4 т. Т. 4. Всемирная литература и русское зарубежье. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 154-162.
- Варшавский, 2016 – *Варшавский В.С.* Борис Вильде // Варшавский В.С. Ожидание: проза, эссе, литературная критика. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Книжница, 2016. С. 363-368.
- Варшавский, 2010 – *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2010. 544 с.
- Варшавский, 2016 – *Варшавский В.С.* Несколько рассуждений об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке // Варшавский В.С. Ожидание: проза, эссе, литературная критика. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Книжница, 2016. С. 335-340.
- Васильева, 2016 – *Васильева М.А.* Категория места в эмигрантском сознании: пример Владимира Варшавского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 8-26.
- Васильева, 2010 – *Васильева М.А.* О Владимире Сергеевиче Варшавском. Биографический очерк // Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2010. С. 405-424.
- Галкина – *Галкина М.Ю.* Приемы поэтики Достоевского в художественной прозе Бориса Поплавского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.riku.ru/coll/coll9.html> (Дата обращения: 20.08.2015)
- Гачева, 2007 – *Гачева А.Г.* В поисках нового синтеза: Духовное наследие Ф.М. Досто-

⁹ Идею добровольного самоотречения как высшего развития «я» Достоевский намечает в дневниковом отрывке «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?» [Достоевский, 1972-1990, т. XX, с. 172-175] и набросках к неосуществленной статье «Социализм и христианство» [Достоевский, 1972-1990, т. XX, с. 191-194].

евского и пореволюционные течения русской эмиграции 1920-1930-х годов // Достоевский и XX век: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 2. С. 3-67.

Димитриев, 2016 – *Димитриев В.М.* «Рассеянная» память в прозе В.С. Варшавского 1920-1930-х годов // Летняя школа по русской литературе. 2016. Т. 12. № 3. С. 325-338.

Димитриев, 2017 – *Димитриев В.М.* Генезис «рассеянной» памяти в прозе В.С. Варшавского 1920-1930-х годов (В.С. Варшавский, Ф.М. Достоевский, А. Бергсон) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2017. Вып. 7. С. 265-281.

Достоевский и XX век – Достоевский и XX век: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2007.

Достоевский и русское зарубежье... – Достоевский и русское зарубежье XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 278 с.

Достоевский, 1972-1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.

Иванов, 1933 – *Иванов Г.В.* О новых русских людях // Числа. 1933. № 7-8. С. 187-188.

Классика и современность... – Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 1920-1930-х гг.: в 2 ч. М.: ИНИОН РАН, 2005-2006.

Красавченко, 2016 – *Красавченко Т.Н.* Под покровом изгнания // Варшавский В.С. Ожидание: проза, эссе, литературная критика. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Книжница, 2016. С. 7-23.

Одинокое, 1981 – *Одинокое В.Г.* Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. Новосибирск: Наука, 1981. 146 с.

Пантелей, 2008 – *Пантелей И.* Воздух Достоевского в пространстве Нины Берберовой // Достоевский и русское зарубежье XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 142-146.

Пастернак, 1989 – *Пастернак Б.Л.* Девятьсот пятый год // Собр. соч.: в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. С. 281-306.

Поплавский, 2009 – *Поплавский Б.Ю.* Вокруг «Чисел» // Поплавский Б.Ю. Собр. соч.: в 3 т. М.: Книжница: Русский путь: Согласие, 2009. Т. 3. С. 125-133.

Сергеева-Клятис, 2011 – *Сергеева-Клятис А.Ю.* Рецепция поэмы Б. Пастернака «905-й год» в критике русского зарубежья // Вестник РХГА. 2011. Том 12. Выпуск 3. С. 218-230.

Сыроватко, 2007 – *Сыроватко Л.В.* Ф. М. Достоевский глазами «молодого поколения» русской эмиграции (1920-1940) // Достоевский и XX век: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 2. С. 68-177.

Тихомиров, 2010 – *Тихомиров Б. Н.* «Записки из подполья» как художественное целое. Опыт прочтения // Достоевский и мировая культура. 2010. № 27. С. 40-73.

Шмеман, 2007 – *Шмеман А.*, прот. Дневники, 1973-1983. М.: Русский путь, 2007. 720 с.

Adamovitch, 2005 – *Adamovitch G.* André Gide // Le Studio Franco-Russe / Textes réunis et présentés par L. Livak. Sous la rédaction de G. Tassis. Toronto: Toronto Slavic, 2005. Vol. 1. P. 196-202.

Morard, 2009 – *Morard A.* De l'émigré au déraciné: la "jeune génération" des écrivains russes entre identité et esthétique (Paris, 1920-1940). Genève: Univ. de Genève, 2009.

References

Adamovich G.V. Liudi i knigi: Merezhkovskii [People and Books: Merezhkovsky]. *Sovremennye zapiski*, 1934, № 56, pp. 282-283. (In Russ.)

Adamovich G.V. Odinochestvo i svoboda [Loneliness and Freedom]. *Odinochestvo i svoboda* [Loneliness and Freedom]. Moscow, Respublika Publ., 1996. Pp. 14-112. (In Russ.)

Belov S.V. F.M. Dostoevskii. Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia: v 4 t. [Encyclopedia of Russian Literature Abroad: in 4 vols.]. 1918-1940. T. 4. *Vsemirnaia literatura i russkoe zarubezh'e* [World Literature and Russia Abroad]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2006. Pp. 154-162. (In Russ.)

Varshavskii V.S. Boris Vil'de [Boris Wilde]. *Ozhidanie: proza, esse, literaturnaia kritika* [Expectation: Prose, Essay, and Literary Criticism]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna Publ., Knizhnitsa Publ., 2016. Pp. 363-368.

– Varshavskii V.S. Neskol'ko rassuzhdenii ob Andre Zhide i emigrantskom molodomo cheloveke [Several Thoughts on André Gide and young émigré writer]. *Ozhidanie: proza, esse, literaturnaia kritika* [Expectation: Prose, Essay, and Literary Criticism]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna Publ., Knizhnitsa Publ., 2016. Pp. 335-340.

Варшавский, 2010 – Varshavskii V.S. *Nezamechennoe pokolenie* [Unnoticed Generation]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna Publ., Russkii put' Publ., 2010. 580 p.

Vasil'eva M.A. Kategorii mesta v emigrantskom soznanii: primer Vladimira Varshavskogo [The Category of Place in Emigré Consciousness: With Reference to Vladimir Varshavsky]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta* (Ser. 2. Humanities sciences), 2016, vol. 18, № 4 (157), pp. 8-26.

Vasil'eva M.A. O Vladimire Sergeeviche Varshavskom. Biograficheskii ocherk [On Vladimir Sergeevich Varshavsky. A Biography Essay]. *Nezamechennoe pokolenie* [Unnoticed Generation]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna Publ., Russkii put' Publ., 2010. Pp. 405-424.

Dimitriev V.M. “Rasseiannaia” pamiat v proze V.S. Varshavskogo 1920-1930-kh godov [“Dispersed Memory” in the Prose of V.S. Varchavsky]. *Letniiaia shkola po russkoi literature*, 2016, vol. 12, № 3, pp. 325-338. (In Russ.)

Dimitriev V.M. Genезis “rasseiannoii” pamiati v proze V.S. Varshavskogo 1920-1930-kh godov (V.S. Varshavskii, F.M. Dostoevskii, A. Bergson) [Genesis of the “Dispersed” Memory in the Prose of V.S. Varshavsky between Two Wars (V.S. Varshavsky, F.M. Dostoevsky, A. Bergson)]. *Ezhгодnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 2017, pp. 265-281. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vol.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990.

Dostoevskii i russkoe zarubezh'e XX veka [Dostoevsky and Russian Abroad of XX c.]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2008. 278 p.

Dostoevskii i XX vek: v 2 t. [Dostoevsky and the XXth century: in 2 vols.]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2007.

Gacheva A.G. V poiskakh novogo sinteza: Dukhovnoe nasledie F.M. Dostoevskogo i porevoliutsionnye techeniia russkoi emigratsii 1920–1930-kh godov [In Search of New Synthesis: Spiritual Heritage of F.M. Dostoevsky and Post-Revolutionary Trends of Russian emigration

between Two Wars]. *Dostoevskii i XX vek*: V 2 t. T. 2 [Dostoevsky and the XXth c. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2007. Pp. 3-67.

Galkina M.Iu. *Priemy poetiki Dostoevskogo v khudozhestvennoi proze Borisa Poplavskogo* [Poetics of Dostoevsky in the Prose of Boris Poplavsky]. [Electronic resource]. – Available at: <http://www.riku.ru/coll/coll9.html>

Ivanov G.V. O novykh russkikh liudiakh [On New Russian People]. *Chisla*, 1933, № 7-8, pp. 187-188.

Klassika i sovremennost' v literaturnoi kritike russkogo zarubezh'ia 1920–1930-kh gg.: v 2 ch. [Classics and Contemporary in the Literary Criticism of Russia Abroad between Two Wars: in 2 vols.] Moscow, INION RAN Publ., 2005-2006.

Krasavchenko T.N. Pod pokrovom izgnaniia [Under Cover of Exile]. *Ozhidanie: proza, esse, literaturnaia kritika* [Expectation: Prose, Essay, and Literary Criticism]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna Publ., Knizhnitsa Publ., 2016. Pp. 7-23.

Odinokov V.G. *Tipologiia obrazov v khudozhestvennoi sisteme F.M. Dostoevskogo* [Image Typology of Art System of F.M. Dostoevsky]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981. 146 p.

Pantelei I. Vozdukh Dostoevskogo v prostranstve Niny Berberovoi [Air of Dostoevsky in the Space of Nina Berberova]. *Dostoevskii i russkoe zarubezh'e XX veka* [Dostoevsky and Russian Abroad of XX c.]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2008. Pp. 142-146.

Pasternak B.L. Deviat' sot piaty god [Nine hundred and fifth year]. *Sobr. soch.*: v 5 t. [Complete Works: in 5 vol.] Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1989. Vol. 1. Pp. 281-306.

Poplavskii B.Iu. Vokrug "Chisel" [Around "Numbers"]. *Sobr. soch.*: v 3 t. [Complete Works: in 3 vol.]. Moscow, Knizhnitsa Publ., Russkii put' Publ., Soglasie Publ., 2009. Pp. 125-133.

Sergeeva-Kliatis A.Iu. Retsepsiia poemy B. Pasternaka "905-i god" v kritike russkogo zarubezh'ia [Reception of the Poem "The 905th year" by B. Pasternak in Critics of Russia Abroad]. *Vestnik RKhGA*, 2011, vol. 12, is. 3, pp. 218-230.

Syrovatko L.V. F. M. Dostoevskii glazami "molodogo pokoleniia" russkoi emigratsii (1920–1940) [Dostoevsky from the Point of View of Younger Emigré Writers (1920–1940)]. *Dostoevskii i XX vek*: v 2 t. [Dostoevsky and the XXth c. In 2 vols.]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2007. T. 2. Pp. 68-177.

Tikhomirov B.N. "Zapiski iz podpol'ia" kak khudozhestvennoe tseloe. Opyt prochteniia [Notes from Underground as an Artistic Whole. An Essay of Reading]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*, 2010, № 27, pp. 40-73.

Shmeman A., prot. *Dnevniky, 1973-1983* [Diaries, 1973–1983]. Moscow, Russkii put' Publ., 2007. 720 p.

Adamovitch G. André Gide. *Le Studio Franco-Russe, textes réunis et présentés par L. Livak*. Sous la rédaction de G. Tassis. Toronto, Toronto Slavic, 2005. Vol. 1. P. 196-202. (In French)

Morard A. *De l'émigré au déraciné : la "jeune génération" des écrivains russes entre identité et esthétique* (Paris, 1920-1940). Genève, Univ. de Genève, 2009. 400 p.